

Октябрь 1941 года. Мотопский залив.
На борту моторота, следующего к Рыбачью,
осенний корреспондент газеты «Красная звезда»
писатель Константин Симонов.

МОЙ ПЕРВЫЙ КОМАНДИР

Простите за такое сравнение, но, по-моему, служба под началом первого командира так же памятна, как первая любовь. Не забыть человека, из рук которого вы получили оружие, который учил вас азбуке военного дела, в трудные минуты заменял вам отца, водил вас в жестокий и правый бой.

Прошло без малого 30 лет с тех пор, как я прибыл в подчинение лейтенанта Василия Филимоновича Придня. В 1940-м он был командиром батареи, в которой люди называли себя «папанинцами». И не без оснований: даже при беглом взгляде на карту можно было заметить, что от батареи до полюса — рукой подать, до родных же мест — тысячи и тысячи километров. Север полуострова Рыбачий. Край непроходимых скал, вечных снегов и петров-великанов.

До сих пор я удивляюсь: каким образом тяжелые 152-мм орудия очутились в этом «чайкином гнезде», в районе семидесятой параллели? Доставка и выгрузка их на побережье была подвигом, за который командир 104-го пушечного артиллерийского полка Резерва Главного командования майор М. А. Щербаков в 1939-м получил из рук М. И. Калнина орден Красной Звезды.

Нелегко пришлось и новому пополнению, прибывшему на батарею из Москвы. В Баренцевом море теплоход «Ястреб» настиг ураган. Может представить, как жалко выглядели мы, вчерашние студенты и молодые рабочие, видевшие до этого девятый вал лишь на полотнах Айвазовского! Когда нас доставили на берег, мы еле держались на ногах. Из буденовок, покрытых ледовым панцирем, торчали только заострившиеся носы. Подорожавшись с нами, командир дивизиона капитан Н. И. Кавун тут же сообщил: с судна сброшены в море дрова для батареи, волны подгоняют их к берегу, наша боевая задача — выловить их. Направляясь

на батарею, каждому взять полено, иначе утром не будет горячего завтрака.

Кому из новобранцев не хочется совершить первый, пусть небольшой, подвиг! Все дружно бросились в ледяную воду... Не помню, сколько чурок дров донесли мы тогда до батареи. Нам пришлось идти... 29 километров! Идти по снегу, проваливаясь по пояс в болотистый грунт.

«Куда мы попали!» — с такой мыслью измученное желторотое воинство предстало перед высоким и стройным командиром батареи.

Лейтенант ободряюще положила кому-то на плечо руку и сказала:

— Товарищи, вы видели кинокартину «Семеро смежных»? Она снималась в наших краях. В фильме семеро отважных, а нас — батарея!

Простота командира подкупала. Конечно же, многие видели этот кинофильм, и тот факт, что мы оказались среди смежных, обрадовал нас.

А на следующее утро, когда нас накормили и распределили по взводам, старшина передал приказание командира: всем идти за дровами. На этот раз наш «марафон» составил 29 километров туда и столько же обратно.

Дрова на нашей батарее ценились дороже всех сокровищ. Их невозможно было доставить в недоступную бухточку ни морем, ни тем более через тундру на маломощных автомобилях. Вот и приходилось проверять на практике истинность слов: где олень не пройдет — там русский солдат должен пройти!

Между тем носить дрова становилось все труднее. Наступила долгая полярная ночь: темень — хоть глаз выколи. По тундре мы передвигались вслепую, привязавшись, как лампадки, друг к другу веревками. Во главе группы шли лучшие следопыты. Но и их порой подводило чутье — сбивались с пути. Тогда на выручку выходили на лыжах лейтенант Придня и младший политрук А. Я. Яковлев. Они

сигналили ракетами, искали заблудившихся. Глоток спирта или кусочек сахара — и ребята добирались домой, правда, часто без дров.

Жили батареицы, как Робинзоны. Для освещения зажигали тюлений жир — благо беспечные животные устраивали лежбища у самой огневой позиции. Наше культпроспект-имущество состояло из... не буду перечислять. Правда, находивший младший сержант Газрипа Телюк сделал проводочные шахматы, а в ящике из-под сливочного масла смонтировал радиоприемник, который к нашему изумлению, заговорил человеческим голосом.

При встрече нового, 1941 года некоторые из нас, новиков, собирались умереть от тоски. Тяжко, как безнадельный большой, стонало море, по-волчьи выла в проводах ветер. Ни газет, ни писем — давно не приходил рейсовый теплоход! Ни одной девушки в городке. Какое тут могло быть веселье! И вдруг в казарме зазвучали стихи, да еще из уст самого командира. Мы, что называется, ожили. Он прочитал веселую пародию, и вмиг на лицах красноармейцев появились улыбки. Ах, беда начало. Наводчик Иван Пушкин (не удивляйтесь фамилии: у нас в батарее были и Шолохов, и Погодин) запел любимую «В далекий край товарищу улетает...» Потом Придня, подмигнув ребятам, пустился в пляс. Его поддерживали другие.

Занятия у нас в любую погоду проходили на огневых позициях и в тундре. Бывало, выюга носилась, как снежный бок, бодалась, рассекала лица, а связисты ползали прокладывать линию. Мы, вычислители, карабкались через гутробы с мерной лентой. Взгляды наши молили: «Разрешите хоть буденовку опустить». Но у командира на этот счет было особое мнение: раз красноармейцы мерзнут — плохо идут занятия. И следовала вводная, выполнив которую, все вытирали пот.

С вычислителями, «интеллигентней» батареи, чаще всего занятия проводил сам Василий Филимонович. По не-

сколько часов в день мы тренировались в подготовке данных для стрельбы по морским целям из полевых орудий. Нелегкое это дело. На батареях все данные выдают автоматические приборы. Нам же приходилось и прицел, и целик, и ВИР и ВИЧ определять путем сложных вычислений. Как радовался командир, когда нам удавалось это сделать на секунду быстрее!

Война нагрянула на нашу батарею не тревожным сообщением по радио, а, как говорится, собственной персоной. Прилетели «мессершмитты», и прежде чем была подана еще испрыжкая команда «Воздух!», на казарму обрушился град пуль и малокалиберных снарядов. Перед нашими глазами промелькнули молнии, раздались треск, запах дымом. «Прощай, белый свет!» — воскликнул кто-то. Ребята бросились кто под стол, кто под нары. Я, уронив каску, прижался к стене.

«Надеть каски!» — услышали мы спокойный голос командира. Он был с нами — и от этого нам было не так страшно. А между тем второй самолет нанес удар по лопатке. Пули изрешетили потолок, стены, нары. «Кусочки смерти», еще не успев остынуть и потерять вращение, пепелились у наших ног. И, удивительное дело, хотя в казарме было полно людей, только тракторист Степан Ермак получил ранение. Итог этому внезапному взрыву подвел лейтенант Придня:

— Вот, товарищи, и боевое крещение! Как видите, вероятность смерти не так уж велика. Сотни пуль — и почти все мимо. Значит, преждевременно кто-то сказал: «Прощай, белый свет!» Мы повоеем.

После налета батареицы простылись с последней роскошью — домиками и обосновались в каменных укрытиях. Стало безопасней при бомбежках. Но возвращение к «черному» образу жизни некоторые из нас восприняли как отречение от всех благ земных и потребностей наших. Побросали бритвы, а кое-кто даже перестал умываться,

видно, отложив это занятие до Дня Победы. Каково же было наше удивление, когда мы увидели командира по обыкновению чисто выбритым, с белоснежным подворотничком на гимнастерке, с начесанными до блеска пуговицами. Все поняли, что борода Робинзона Крузо не к лицу советским воинам даже тогда, когда им очень трудно. В те дни фашисты, имея большое численное превосходство, при поддержке авиации лезли из кожи вон, чтобы овладеть Рыбачьем и Средним...

Май 1942-го. Придняя уже капитан, командир дивизиона, которому отводилась особая роль: он выдвигался в центр полуострова Средний и должен был держать на прицеле весь передний край.

Тяжело приходилось защитникам полуостровов. На них беспрерывно сыпалась снаряды и бомбы. Они были отрезаны от Большой земли, находись в тисках блокады. В полярный день редко какому судну удавалось пробиться к Рыбачью. Отсюда — лимит на снаряды, а это самое неприятное на войне. Приходилось затягивать потуже ремни: на завтрак были только грибы, на обед — суп грибной и грибы, на ужин — то же. Спасибо тундре — выручала нас.

Мы прибыли на высоту Н., чтобы развернуть штаб дивизиона. Первое время жили в снегу. Используя медвежий опыт, рыли ямы и ложились в них. Стоило пойти в снег — и нас уже были готовы свои берлоги. Но и в таких условиях за считанные дни мы построили землянки, произвели топографическую привязку боевых порядков дивизиона, установили телефонную связь, наладили наблюдение за противником. И стрелять стали так, что морская пехота благодарила нас. В. Ф. Придняя прослыла волшебником артогня. Он пристрелял все приметные ориентиры. В их районе противнику лучше было не появляться...

Настоящий подвиг командир дивизиона совершил в начале октября 1942 года. Всеваля мы тогда под девизом:

«Бей фашистов на Севере — этим ты поможешь Югу!» Отряд морских пехотинцев, которым командовал легендарный разведчик старший лейтенант А. Я. Юневич, под густым покровом тумана штурмом овладел важной высотой «Яйцо». Три дня наши воины косили метким огнем переходивших в контратаку фашистов. Но и наши силы ревели. Был ранен Юневич. Горстка храбрецов оказалась в окружении, кончались боеприпасы. Майор Придняя решился, казавшись бы, на невозможное: «отсечь» заградительным огнем своих от противника, когда он был уже совсем рядом. Снаряды ударили по чужим, не тронув своих. Уцелевшие пехотинцы разбежались...

Шли тяжелые кровопролитные бои. А наш быт становился лучше. В землянках появились электричество и радио, нам стали доставлять дрова. Регулярно приезжала кинопередвижка. В нашей землянке выступали известные актеры Лев Миров и Елсей Дарский, ленинградская певица Зоя Рождественская.

В апреле 1943 года у нас побывали поэт полковник Василий Лебедев-Кумач и композитор Константин Листов. Автор «Песни о Родине» запевал, а мы подтягивали: «От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей». Листов играл на аккордеоне свою знаменитую «Землянку». И всем нам казалось, что именно про нашу землянку написана песня: и огонь бился в тесной пещурке, и до смерти было четыре шага...

Расставаясь, Лебедев-Кумач выдал импровизацию:

— Полюбов артиллерийских много в мире!

Один такой — под маркой его четыре!

Это — про полк. Кстлати, наш Краснознаменный полк был один из старейших и лучших в стране, почти что ровесник Советской Армии.

Со своим тезкой — нашим командиром — Василием Лебедев-Кумач подружился. Они встречались и после войны.

В память о Рыбачьем поэт подарил артиллеристу книгу своих стихов и песен.

Все мы гордились, что командир и в артиллерийском деле силен, и в стихах разбирается. Стоит ли удивляться тому, что и автор этих строк, и другие его подопечные в минуту затихшая брались за перо...

От командира взвода до начальника штаба полка — таков был путь Василия Филимоновича в 104-м. А в конце войны на Севере его назначили в бригаду морской пехоты командующим артиллерии. Грустно было расставаться с человеком, которому мы были обязаны многими успехами — и общими, и личными. Впрочем, и на новом месте майор Придня был отличным командиром.

В бою за порт Анихамаги ярко проявилась еще одна грань его военного таланта — находчивость. Для захвата порта были высажены десантники во главе с майором И. А. Тимофеевым. С противоположного берега Василий Филимонович видел, в каком трудном положении оказались наши воины: по ним вели огонь многочисленные доты и дзоты. Но чем помог бы он им в этот момент? Ведь артиллерия еще была в пути, преодолела километры бездорожья и минных полей! И вдруг возникла дерзкая мысль: а что, если воспользоваться немецкой техникой, например зенитными орудиями, которые враги бросили при отступлении? Из добровольцев-разведчиков он «сформировал» батарею, которая прямой наводкой ударила по вражеским огненным точкам. Десантникам сразу стало легче.

В послевоенные годы В. Ф. Придня командовал артиллерией в составе 104-го полка. Десять раз участвовал в парадах на Красной площади. Его огромные пушки проходили мимо Мавзолея замыкающими, и народ смотрел на них с немалым интересом, чем теперь на стратегические ракеты.

23 года я ничего не знал о судьбе своего командира. А в канун 50-летия Советских Вооруженных Сил развез-

кал его, побывал у него. Гвардии подполковник запаса В. Ф. Придня проживает в г. Усть-Лабинске Краснодарского края, Артиллерийский переулок, 3. Не скрою, назавтра мне переулка вызвало у меня улыбку: даже в прославленном царстве пшеницы, винограда и помидоров старей артиллерист на своем «коньке».

Человек, который пахал землю снарядами, теперь почетный член Всероссийского общества охраны природы. Этого знания он удостоен за многолетнюю и плодотворную работу на посту главного агронома — председателя районного совета общества.

Его приусадебный участок специальным решением признан опытно-показательным.

Да, надо было этому человеку прожить сорок месяцев по фронтовой землянке на Рыбачьем полуострове, среди голых скал и вечных снегов, чтобы теперь на юге утолить тоску по красоте родной природы! На своем «пятакке», где вместилась бы всего одна пушка с орудийным дворником, старей артиллерист выращивает 33 сорта винограда, получающая при этом урожай, превышающие так называемые средние в десять раз. На выставке он демонстрировал грозди сочных плодов, достигавшие четырех с половиной килограммов! У него есть «деревцо-сад», на котором растут шесть пород груш.

А какие цветы! Одни розы пятнадцати видов.

Есть еще одна должность у моего первого командира: он заместитель директора школы по военно-патристическому воспитанию.

Сотням юных патриотов Советской Родины он прививает любовь к армии и флоту, учит их, как когда-то меня, азбуке военного дела.

Мой первый командир и теперь на правом фланге...

Москва

А. ЧЕРНОМЫС,
капитан 2 ранга